

СИМВОЛ

журнал
христианской
культуры,
основанный
Славянской
библиотекой
в Париже

№62

(2012)

Париж-Москва

Поль Рикёр

БИБЛЕЙСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА

ISSN 0222–1292

Главный редактор

Николай Мусхелишвили

Редколлегия журнала

Анатолий Ахутин
Галина Вдовина
Октавио Вилчес-Ландин †
Петр Ашик, SJ
Андрей Коваль
Рене Маришаль, SJ
Николай Селезнев
Дмитрий Спивак
Сергей Хоружий
Николай Шабуров

Редактор номера Николай Мусхелишвили

СИМВОЛ

Редакция

105005 МОСКВА
ул. Фридриха Энгельса, 46, стр. 4
тел.: (499) 261 0146 / факс (499) 261 3359
e-mail: symbol_muskh@mail.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Эл № ФС77–29404 от 14.09.2007 г.

© Институт философии, теологии и истории св. Фомы

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	3
<i>Лоретта Дорниш</i> Символические системы и интерпретация Библии: Введение в сочинения Поля Рикёра	5
<i>Поль Рикёр</i> Библейская герменевтика	29

TABLE DES MATIÈRES

EDITORIAL	3
<i>LORETTA DORNISCH</i>	
LES SYSTÈMES SYMBOLIQUES ET L'INTERPRÉTATION DE LA BIBLE: INTRODUCTION AUX TRAVAUX DE PAUL RICŒUR	5
<i>PAUL RICŒUR</i>	
<i>L'HERMÉNEUTIQUE BIBLIQUE</i>	29

СИМВОЛИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ
И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ БИБЛИИ:
ВВЕДЕНИЕ В СОЧИНЕНИЯ ПОЛЯ РИКЁРА

0. Хотя выдвинутая Полем Рикёром теория символа представлена в концентрированном виде лишь в отдельных частях его сочинений, она проходит красной нитью через все его сочинения, иной раз не используя самого слова «символ». В 1971 г. Рикёр написал:

Ныне я охотно допускаю, что толкование символов — это не вся герменевтика, но я по-прежнему считаю, что оно составляет ее «центр кристаллизации» и, если можно так сказать, место максимальной плотности, потому что именно в символе язык являет себя с наибольшей силой и полнотой. Он говорит нечто независимое от меня, и говорит больше, чем я понимаю. Символ, безусловно, является привилегированным местом для встречи с опытом избыточествующего смысла (1971a: xvi — vii).

Как философ религии и историк философии Рикёр взрастил свою мысль на текстах своих предшественников, но в ходе собственной рефлексии он разработал теорию символа, проходящую красной нитью через его сочинения последних двадцати пяти лет. Развитие этой теории последовательно осуществлялось, так сказать, внутри четырех горизонтов, — каждый последующий шире предыдущего. Первый — это раннее направление мысли Рикёра, связанное с изучением им трудов Гуссерля, Ясперса и Марселя; второй — это собственный проект Рикёра, нацеленный на разработку философии воли; тре-

тый горизонт — это укрепляющаяся герменевтика; четвертый же связан с языком в его полноте.

0.1. Хотя тема герменевтики, подразумеваемая третьим горизонтом, имеет очевидную близость с интерпретацией Библии, как и интерес Рикёра к языку, относящийся к четвертому горизонту, тщательное исследование творчества Рикёра, а в действительности и его жизни, делает ясным, что все его творчество по меньшей мере косвенно связано с интерпретацией Библии. Духовно и академически сформированный в евангелической традиции Слова, провозглашаемой такими учеными, как Карл Барт и Герхард Эбелинг, Рикёр развил свое собственное направление в диалоге с Габриелем Марселем, чья философия воплощения столь же обращена к Рикёру, как философия самого Рикёра — к его великому учителю. Благодаря личной дружбе и профессиональным отношениям с Мунье Рикёр связал между собой подчеркивание личностного аспекта и христианский подход к социальной деятельности. Одна из первых его статей, опубликованная в 1946 г., получила название «Vérité: Jésus et Ponce Pilate»¹. Какие бы сомнения ни возникли относительно позиции Рикёра, он показал, что является христианином. В работе *Pourquoi la philosophie?*² (1968: 20–21) он риторически вопрошает: «Если Бог умер, возможен ли человек?». Рикёр рассматривал личностный и профессиональные аспекты своей жизни как расширенное слово. Слово — это его работа; это тот единственный способ преобразования мира и влияния на людей, которым он владеет. Более того, как будет показано позже в данной работе, недавние исследования Рикёра в области герменевтики и теории языка в явной форме привели их автора к интерпретации Библии, хотя его точка зрения остается точкой зрения не экзегета, а философа, занимающегося теорией интерпретации или теорией языка. Однако граница, отделяющая эти точки зрения одну от другой, становится все менее различимой. Можно наблюдать их конвергенцию в работах не только Рикёра, но таких экзе-

¹ «Истина: Иисус и Понтий Пилат».

² «Почему философия?»

гетов, как Кроссан, Перрин и Фанк. Книга Кроссана *В притчах (In Parables)* намечает теорию буквальной интерпретации, в определенных аспектах похожую на ту, которая интересует Рикёра. Ссылаясь на книгу Рикёра *Конфликт интерпретаций (Le conflit des interprétations, 1969)*, Перрин утверждает, «что мы находимся в центре очень активной многоязыковой и междисциплинарной дискуссии» (Perrin: 3). Исходя из контекста, в какой-то мере аналогичного контексту мысли Рикёра, Фанк во многом предвосхитил его темы в работе *Язык, герменевтика и Слово Божие (Language, Hermeneutic, and Word of God)*.

1. От символов к теории языка

1.0. Будет полезно очертить разработанную Рикёром теорию символа в соответствии с четырьмя вышеупомянутыми горизонтами: (1) раннее направление; (2) философия воли; (3) укрепление герменевтики; (4) язык в его полноте. (Развитию основных аспектов данной статьи целиком посвящено исследование Dornisch L. *A Theological Interpretation of the Meaning of Symbol in the Theory of Paul Ricoeur*, доступное как книга, изданная University Microfilms, Ann Arbor, 1973).

1.1. Раннее направление

Зародыш изучения Рикёром символов, по-видимому, относится к тому времени, когда он занимался интерпретацией философии Карла Ясперса и Габриеля Марселя. В двух книгах, опубликованных в 1947 и 1948 гг., Рикёр развил теорию «шифра», предложенную Ясперсом. В 1959 г. Рикёр в явной форме подтвердил, что он называет символом именно шифр. (Некоторые ранние переводы затемняли отношение между термином Ясперса *Chiffre* – «шифр», французским словом *chiffre* и английским *symbol* – «символ».) От Ясперса Рикёр воспринял схему, включающую три уровня символов: (1) первичный язык символов; (2) язык мифов, опосредующих первичные символы; и (3) умозрительные символы. Символы – это «писание Иного», которое я должен расшифровать. Именно благодаря символам «трансцендентное обращается ко мне», а я становлюсь слушателем. Как только символ переводится на

объективный язык, смысл, который несет символ, теряется. Все может быть символом и, таким образом, являть трансцендентное. Символ непохож на другие знаки, тоже часто называемые символами, — такие как образы, портреты, сравнения, аллегории, метафоры, поскольку он не является моделью, доступной самой по себе. Он никогда не может стать объектом.

Здесь-бытие и бытие-символом — это два аспекта одного и того же мира, один для сознания вообще, другой для существования, и в символе объект исчезает как объект таким образом, что в нем показывается Трансцендентное, причем невозможно отделить символ от того сущего, которое он обозначает, или осуществить экзегезис, разъясняющий символ на манер расшифровки языкового кода или психоаналитического толкования сновидения (1947b: 291).

Эти три уровня символов — первичный язык, мифы и умозрительные символы — обеспечивают полезное орудие классификации уровней речи в иудейском и христианском Писаниях, как показал сам Рикёр в *Символике зла* (*La symbolique du mal*: 1960) и в разных статьях, опубликованных впоследствии, о таких важных темах библейских исследований, как «первородный грех», «миф о наказании», «отцовство: от фантазма к символу» и другие.

1.2. *Философия воли*

Благодаря изучению философии Гуссерля и Ясперса, а также благодаря личному усвоению учения апостола Павла Рикёр осознал парадокс, связанный с желанием: в тот самый момент, когда я выбираю ограниченные цели, я понимаю их относительность. В конечном каким-то образом присутствует бесконечное. В 1950 г. Рикёр опубликовал работу *Добровольное и невольное* (*Le Volontaire et l'Involontaire*), которую назвал «первой частью более объемного целого, имеющего общее название *Философия воли* (*Philosophie de la volonté*)» (1966: 3). Одно выступление следующего года стало поводом очертить его проект, включающий тройную задачу — эйдетику, эмпирику и поэтику воли. Эйдетика была сформулирована в *Добровольном и невольном*. Эмпирика нашла свое выражение в таких

работах, как *Человек небезошибочный* (*L'homme faillible*), *Символика зла* и, возможно, *Об интерпретации: Очерк о Фрейте* (*De l'interprétation. Essai sur Freud*). Поэтика – это проект, над которым Рикёр работает по настоящее время.

Завершая *Добровольное и невольное*, Рикёр считал, что он исключил ложный дуализм «сознания» и «воли» («Хотеть значит мыслить») и в то же самое время показал более «радикальную двойственность, находящуюся в самом сердце субъекта, – дуальность аспектов или моментов желания» (1966: 482). Это была разработанная Рикёром эйдетика воли – попытка чистой феноменологии воли; из этой феноменологии была исключена проблема проступка, или безошибочности человека.

Десять лет спустя, в 1960 г., Рикёр представил эмпирику воли в двух томах: *Человек небезошибочный* и *Символика зла*. Его попытка чистого описания воли привела его к пониманию, что проступок недоступен ни для какого описания, даже основанного на опыте. Проступок может быть ясно выражен только в конкретности мифа и в языке исповедания. Из изобилия древних литератур, изученных им, Рикёр извлек три первичных символа проступка: это скверна¹, грех и вина; им посвящена первая часть *Символики зла*. Вторая часть представляет собой исследование четырех типов мифа, рассказывающих о проблеме безошибочности: это (1) драма сотворения мира, (2) злой бог, (3) миф об Адаме и (4) миф об изгнанной душе.

Именно в этом исследовании Рикёр, как оказалось, был вынужден прийти от чисто феноменологического философского метода к необходимости герменевтики, чтобы вступить в схватку с проблемой безошибочности: эта проблема может быть выражена лишь на символическом языке. Небезошибочность человека представляет загадку: воля, будучи свободной, каким-то образом оказывается также связанной и всегда оказывается связанной. Это «предельная тема, которую символ дает мысли» (1967b: xxiii).

---

¹ Рикёр использует франц. слово *souillure*, Дорнш его передает по-английски как *defilement*, И.С. Вдовина в пер. *Конфликта интерпретации* – как «запятнанность».

Именно изучение зла путем рассмотрения абсурдности проступка в *Человеке небезошибочном* и открытия необходимости косвенного символического языка, которое было сделано в *Символике зла*, заставило Рикёра столкнуться с языковыми затруднениями и изменить направление своих изысканий. Он оказался в самом сердце герменевтической проблемы, проблемы интерпретации. Итак, из первого горизонта, заданного феноменологическим методом в стиле Гуссерля и размышлением о тайне и парадоксе, стимулы к которому дали Марсель и Ясперс, возник второй горизонт, связанный с философией воли; затем необходимость символического языка для выражения проступка стимулировала дальнейшее расширение горизонта в сторону того, что мы назвали укреплением герменевтики.

1.3. Укрепление герменевтики: к общей теории интерпретации

В чем мы нуждаемся, – так это в интерпретации, уважающей исходную тайну символов, позволяющую, чтобы они ей научили, но начиная с этого момента выдвигающую и образующую смысл, за который несет полную ответственность автономное мышление (1967а: 349–50).

Так как символы всегда были и ныне остаются частью человеческого опыта, интерпретация необходима всегда. Ныне, однако, современная герменевтика способна воспользоваться преимуществом критического мышления; оно не должно увеличить отчуждение человека, но должно сделать его способным усвоить смысл, чтобы он стал в большей мере его собственным, чем было возможно до сих пор. Будучи детьми критики, люди должны быть способны средствами критики выйти за ее пределы, чтобы постичь смысл не в меньшей, а в большей мере, другими словами, чтобы разработать герменевтику, которая возвращает смысл. Процесс уверования полностью связан с процессом толкования.

Это признание существенной роли герменевтики в понимании человеческого опыта указало направление работе, опубликованной в 1965 г. под заглавием *Об интерпретации: Очерк о Фрейде*. Хотя это заглавие меньше обращено к покупающей

публике, нежели заглавие английского перевода той же книги (*Freud and Philosophy — Фрейд и философия*), исходное заглавие более ясно указывает на место данной книги в целостном проекте Рикёра. Именно здесь он говорит об открытом им существовании двух типов герменевтики — редуктивной (такова герменевтика подозрения, например, развитая Фрейдом, Марксом и Ницше) и реконструирующей: эта последняя стремится восстановить исходный смысл символа.

Традиционная библейская герменевтика в большей мере относится к этому второму типу герменевтики, хотя некоторые аспекты библейской исторической критики являются герменевтикой первого типа — герменевтикой подозрения. Из-за этого противостояния область герменевтики представляет собой поле битвы. Проблема здесь, согласно Рикёру, состоит в том, чтобы обрести не только понимание этих двух подходов, но и связать динамику одного с динамикой другого при движении от докритической наивности к наивности пост-критической, то есть при движении к самопознанию, представляющем собой «борьбу за истину средствами этого внутреннего состязания между редуктивной и восстанавливающей интерпретациями» (1973: 92).

Рикёр пришел к открытию того, что человек может понимать свое собственное существование, понимать самого себя только благодаря знакам — его личным и всей культуры — рассеянным в мире; при этом человек понимает себя, только пока интерпретирует эти знаки. В 1967 г. Рикёр определил интерпретацию как «выявление скрытого смысла в смысле очевидном» и охарактеризовал любую дисциплину, «которая берет начало в интерпретации», как герменевтику (2002: 332). Внутренняя связь между герменевтикой и пониманием самого себя всегда удерживается в поле зрения: «При рефлексивной герменевтике образование Я и смысла происходят одновременно» (1971b: 145). «Образование Я» — сильное выражение; оно должно пониматься во всей полное его значения. Человек становится собой, только когда он выстраивает смысл в процессе интерпретации знаков, присутствующих в мире.

Расширяя свою концепцию герменевтики, Рикёр постепенно пришел к пониманию того, что язык исповедания,

язык мифа и интерпретируемый Фрейдом язык, означающий желания, представляют лишь частные случаи более широкой проблемы — проблемы языка как такового. Как развивалось это понимание?

1.4. *Язык в его полноте*

Постепенное расширение перспективы, таким образом, вышло за пределы трех уже описанных горизонтов: первый горизонт — это раннее направление работ Рикёра, посвященное исследованию философии Гуссерля, Марселя и Ясперса; второй горизонт — это проект философии воли; третий — это укрепление герменевтики. Все это подводит нас к четвертому горизонту, к языку в его полноте.

Мне представляется, что все теперешние философские исследования пересекаются в одной области — в области языка. Язык — это общая почва для встречи исследований Витгенштейна, для английской философии языка, для феноменологии, берущей начало от Гуссерля, для исследований Хайдеггера, для работ школы Бульмана и всех других школ, занимающихся экзегезисом Нового Завета, для работ по сравнительной истории религий и по антропологии, касающейся мифа, ритуала и верований, и наконец, для психоанализа. Сегодня мы находимся в поиске всесторонней философии языка, которая учла бы множественность функций человеческого действия по осмыслению и взаимосвязь этих функций (1970: 3).

Но в то же время язык искажен: он двусмыслен, имеет множество значений, значит больше, чем говорит. Поскольку мы рождены в языке, он не столько произносится людьми, сколько говорит людям. Обыденный язык характеризуется неисцелимой двусмысленностью, амбивалентным построением и смешением, свойственным идиомам и метафорам. Речь — это результат неудовлетворенного желания, но, согласно Рикёру, восстановление смысла всегда движется к керигме:

Я говорю о Полностью Ином только в той мере, в которой оно обращается ко мне; и керигма, радостная весть, — это как раз то, что обращается ко мне и перестает быть Полностью Иным... поскольку то, что уничижает себя в нашей плоти —

это Полностью Иное в качестве логоса. Таким образом, оно становится событием человеческой речи и может быть познано только в движении интерпретации этой человеческой речи (1970: 525).

Осуществленный Рикёром перенос внимания на язык как центральную тему вызван четырьмя причинами, каждая из которых обнаруживала и продолжает обнаруживать влияние библейских исследований: (1) размышление о психоаналитической теории; (2) перемена философского пейзажа во Франции, где структурализм угрожал заменить и экзистенциализм, и феноменологию; (3) продолжающийся интерес к религиозному языку и особенно к теологиям Слова; и (4) растущий интерес к британским и американским школам как философии обыденного языка, так и литературной критики. В последней части данной статьи будут представлены некоторые предположения о следствиях и значениях этой деятельности Рикёра для библейской интерпретации.

2. Мир текста

2.1. В некоторых работах Рикёр рассматривает вопрос, что означает интерпретировать символический язык. Но в 1971 г. этот вопрос замещается вопросом, с точки зрения Рикёра, более общим: что означает интерпретировать текст? Потенциальные следствия для интерпретации Библии становятся более явными и, возможно, более далеко идущими. Отношение между двумя данными вопросами остается нерешенной проблемой и фактически обеспечивает тему для работы, в которую теперь включается Рикёр. Проблема состоит в том, что происходит, когда объективный смысл письменного языка переводится в личный речевой акт. Что происходит, когда мир читателя и мир текста объединяются друг с другом? Рикёр признает, что именно этот феномен Гадамер описал как «слияние горизонтов». С целью изучения этой проблемы языкового характера человеческого опыта Рикёр рассмотрел идеи Джона Маккуарри и Лэнгдона Гилки в отношении религиозной речи, идеи Герхарда фон Рада, Иоахима Иеремиаса, Роберта Фанка, Даниела Виа, Доминика Кроссана и Нормана Перрина в отно-

шении повествовательной формы, а также идеи Витгенштейна и Остина в отношении философии обыденного языка.

2.2. Но этот перенос внимания не должен рассматриваться как удаление от символа; в некотором смысле это распространение подхода к символу на всякий язык, связанное с высокой оценкой его многозначности:

То, что происходит в еще более запутанных случаях интерпретации текста и что образует ключевую проблему для герменевтики, уже предвещено в процессе интерпретации, имеющем место в обыденном языке. Таким образом, вся проблема интерпретации текста могла бы быть обновлена в результате признания того, что ее корни лежат в функционировании обыденного языка как такового (1973: 96).

Здесь много важных моментов. Каждый раз, когда имеет место речь, когда происходит коммуникация между двумя людьми, слова, ситуации, миры, становящиеся общими для этих людей, обладают многими значениями, подвержены многим интерпретациям, хотя контекст предлагает и допускает лишь некоторые возможности. Другими словами, любое человеческое выражение является символом, смысл которого многозначен: так, явный смысл маскирует скрытый. Еще в более широком смысле все, сказанное о чем-то, является интерпретацией. Хотя эти утверждения просты и могут даже показаться очевидными, их следствия для обыденной коммуникации, для образования, для интерпретации Библии, догмы и проповеди, по-моему, радикальны. Несмотря на то, что исследования в каждой из этих областей движутся в этом направлении, этим исследованиям мешает то, что они ограничены соответствующими дисциплинами, — им не хватает широты общей теории интерпретации.

2.3. Определяя текст как высказывание или множество высказываний, зафиксированных письменно, Рикёр говорит, что стремится депсихологизировать текст, освободить его от ситуации так, чтобы текст мог бы раскрыть мир, о котором говорит, открыть его читателю, который «вновь вводит в действие»

то, что говорит текст. В этом конкретном действии «реализуется судьба текста» (1971b: 150). Как следствие, герменевтика — это не объяснение, а интерпретация «ограниченной категории знаков — тех, которые зафиксированы письменно, в том числе всех типов документов и памятников, подразумевающих фиксацию, подобную письму» (1971c: 150). Там же Рикёр формулирует гипотезу, согласно которой гуманитарные науки могут быть названы герменевтическими, поскольку их предмет подобен тексту, а их методология — интерпретации текстов. Символическая функция языка актуализирована в речи, то есть в речевом акте как события. Когда речь записана, отношение между говорящим и речью становится более сложным. Текст освобождается от ограниченного горизонта автора, но это не означает, что у текста нет своего мира; напротив, текст раскрывает свой мир.

Таким образом, мы говорим о греческом «мире», обозначая тем самым не то, чем были ситуации для проживавших их, а неситуационные референции, пережившие стирание из памяти этих ситуаций и которые, следовательно, даны как возможные способы бытия, как символические аспекты нашего бытия-в-мире (1971c: 536).

2.4. Язык метафоричен; он нуждается в искусстве расшифровки. Сами отдельные слова могут быть нагружены многими значениями; Рикёр называет это свойство «полисемией». На более сложных уровнях отдельные предложения становятся носителями двусмысленности. Но, по мнению Рикёра, многозначность текста — это нечто большее. Поскольку целое больше, чем сумма частей, отношение одного к другому требует суждения (*judgment*), то есть интерпретации, которая, подобно судебному решению (*judgment*) или юридической интерпретации, представляет собой предмет мнения, предмет спора, а также предмет надления вероятного силой законного решения (*validation*). Основываясь на аргументах, процедура надления силой законного решения полна неопределенностей, но убедительна благодаря качественной вероятности, позволяющей квалифицированному критику избегать ошибок догматизма и скептицизма.

2.5. В результате многих споров с Леви-Строссом Рикёр осознал необходимость удовлетворить требованиям структурализма и других семиотических дисциплин. Рикёр понимает, что феноменология должна ответить на вызов, который бросили ей «семиология, структурная лингвистика, весь “структурализм”, расцветший в смежных науках, в критической литературе и даже в самостоятельных произведениях, ставших темой самих себя в своего рода зеркальном отношении» (1967с: 19). Феноменология должна возродить значение трансцендентного в знаке, важность говорящего субъекта и саму символическую функцию, с помощью которой человек создает смысл.

2.6. Противоположностью семиотике замкнутой языковой системы служит семантическая функция, основной единицей которой является предложение. Хотя описывать соответствующую семиотику можно и должно, полнота значения возникает лишь в семантике, подразумевающей интерпретацию. Прояснить это может один пример. Если кто-то изучает фразу «Отче наш, сущий на небесах» семиотически или структурно, он может определить отца как отношение, противопоставленное сыну, небеса как отношение, противопоставленное аду и соотносимое с землей. Феноменология, использующая интерпретирующую функцию эпизода коммуникации, узнает больше о множестве возможностей, таких как описанные в статье Рикёра «Отцовство: от фантазма к символу» (2002: 563–598), которая показывает, как «отец» и «сын» в иудейском и христианском Писаниях освобождаются от ограничений антропоморфизма, приходя к полноте символа, к среде внеязыковой реальности.

2.7. В течение двух десятилетий Рикёр пытался указать как на сильные, так и на слабые стороны структурной антропологии Леви-Стросса. Ее слабые стороны подобны тем слабым сторонам, которые Рикёр находит в самой структурной модели: возведение замкнутой системы в абсолют, невнимание к субъекту, к трансцендентности знака и к функции интерпретации. Сильные же стороны — это сильные стороны научного метода и идей, относящихся к символическим структурам, лежащим в основе как языка, так и общественных отношений. Если се-